Юван Шесталов,
писатель
лауреат Государственной премии
РСФСР им. А. М. Горького

Оленья сказка

У кромки белой поляны, на которой остановились оленьи упряжки, стоял кедр. На его развесистой ветке резвились две белочки. Скрип полозьев нарт и появление оленеводов не испугало их. И только когда я крикнул от удивления, что вижу настоящих, живых, таежных белок, они мгновенно застыли, как маленькие всадники в пушистой шубе. Словно удивились: откуда мы, такие, взялись?

«На ветке дерева всадник в пушистой шубе скачет» — так говорит мансийская загадка о белке. Перед моими глазами ожила эта загадка.

И посреди заснеженной поляны люди сооружали что-то таинственное: втыкали в снег по кругу длинные тонкие шесты и связывали их крестообразно наверху. Как-то неожиданно образовалось кругловатое основание шатра. Затем эти шесты покрыли шкурами, сшитыми вместе. И на снежной поляне ожила сказка — чум, остроконечный шатер из оленьих шкур.

Недолго строилось это жилище. Час, а может, даже меньше. Снаружи шкуры чума засыпали снегом, чтобы не проходил холод. Для предохранения от сырости и стужи пол устлали своеобразными коврами, сплетенными из прутьев березы. На ковры накинули оленьи шкуры. А внутри стены чума обложили подушками из утиного пуха. Вход в чум через отверстие, которое тоже завесили оленьей шкурой. Место, противоположное входу,— священно. Оно служит хранилищем лучших вещей и лакомых съестных припасов.

Посредине чума весело потрескивает огонь. Дым острой струйкой побежал вверх, туда, где связанные жерди образовывали круглое отверстие. Над огнем уже закипает чайник...

— Посреди снежного моря пляшет красная лисица. Что это такое?

— Огонь! — скажет каждый манси и ханты.

Горит огонь в чуме — и не страшны ни вой ветра, ни стон мороза. Чум — лучшее жилище для оленевода. И никакое другое не заменит его.

— Ты видел сказку? — спросила моя тетя Акулина, когда мы вышли на улицу.

— Я сказки только слышал, а видеть не видел.

— Сейчас ты видишь живую сказку... Смотри на эти три солнца и этот закат. Такое только в нашем оленьем каслании бывает...

Она когда-то нянчила меня, и для меня была не только нянькой, старшей сестрой казалась...

Солнце садилось за деревья. Вечерело. Ложные солнца расплылись в багровые столбы. А настоящее — большое золотое светило — медленно скрывалось в лучистом венце за верхушками деревьев. Скоро вместо солнца, скатившегося за сумрачно-белый лес, появился розовый столб, который постепенно разлился по небу розовой зарей, предвещавшей на завтра ясный морозный день.

Между тем освежевали заколотого оленя. И в чуме начался праздник...

Праздник... Как много смысла в этом слове для каждого живущего в этих краях! Это и переезд на новую стоянку. Это и сооружение чума на новой поляне. Это и оленьи гонки. Это и зима.

Зима для оленевода, оказывается, тоже праздник. Если спросить у него, какое время года лучше, он наверняка так и ответит — зима. Зимой нет комаров, гнуса, мух. В хорошей одежде не страшны ни зимняя пурга, ни мороз, ни ветер. Зимой — снег. Олени далеко не уходят. Караулить их особо не надо. Зимой у оленеводов много свободного времени; отдыхай, сказки сказывай, загадки загадывай, езди друг к другу в гости, принимай гостей. Зима — праздник, потому что вечера и ночи длинные-длинные.

Таким мне и запомнился тот зимний день, когда я вновь прикоснулся к древнему укладу жизни моих предков. А ведь сначала все показалось холодным, странным, диким, словно из другого мира... Потом все потеплело, стало близким, родным. Кажется, дышал я тысячу лет этой жизнью, кажется, и совсем не жил я.

Может, те неясные, удивительные ощущения толкнули меня написать повесть «Синий ветер каслания»?

Написал, но оторваться от этих воспоминаний не могу — все думаю, думаю и все больше открывается мне красота моей родины.

Урал, тайга. Оленевод, рыбак, охотник... Раньше таежнику, конечно же, не приходилось ломать голову над выбором профессии. Еще в звонком детстве тайга манила в свою таинственную лесную чащу, где порхали крылатые пташки, скакали белки по ветвям, бродили медведи — было с кем помериться ловкостью и удалью. А уж когда юношеские руки, ноги наливались силой, узкие таежные тропы сами ложились под ноги, не надо было думать — по какой идти. Всюду тайга. А в ней все, что нужно для жизни: вкусное мясо, пушистый и красивый мех, радость удачи на промысле. Радость удачи охотника! Может, это главное, из-за чего он долгие месяцы пропадает в урмане. А вернется охотник — глаза у всех сияют: и у маленьких, и у больших. Просят показать мех, умоляют рассказать что и как... Для того, наверное, на Севере длинные зимние ночи, чтобы охотнику было время поведать про свои нехитрые лесные приключения.

Если охотником и рыбаком не хочешь стать — можно завести оленей. У оленевода длинная дорога, вечная дорога.

Жизнь оленевода — вечное каслание. Синие ветры поют ему свои песни. А у каслания есть своя радость и сказка.

Три дороги стелились перед таежником, когда он вступал в жизнь: охота, рыбо-

ловство, оленеводство. Но так было когда-то.

А ныне? Столько дорог распахивается перед каждым хантыйским пареньком. Я вспоминаю своего друга Ай-Теранти Харамзина. Закружилась у юноши голова, затуманилась. Да так, что не разберешь дорогу — ни широкую, ни длинную, ни узкую, ни короткую.

И Ай-Теранти поступил просто: вернулся в родную деревню Теги. В кармане — аттестат об окончании Березовской средней школы. В чемоданчике — недочитанные книги о путешествиях в дальние страны.

В своей деревне Ай-Теранти заметили. Колхозники попросили его стать заведующим сельским клубом. Потом молодежь района избрала его комсомольским вожаком, секретарем райкома ВЛКСМ. И все эти годы он продолжал учиться — заочно кончил институт.

А сейчас работает директором Опытной сельскохозяйственной станции Ямало-Ненецкого автономного округа. В настоящее время является инструктором окружкома КПСС. Продолжает учебу. Аспирант Омского сельскохозяйственного института. Пишет диссертацию о традиционных отраслях хозяйства Севера, о его сохранении и развитии.

Вот — оленеводство. Это уникальное культурно-историческое явление. Родина оленеводства — Сибирь. Творцы его — народы Севера. Ни в Америке, ни в Европе, ни в другой части Азии до недавнего времени не было этого вида хозяйства, хотя дикие олени там водились. Есть оленеводческие хозяйства на Аляске, но они появились там в конце прошлого века, когда туда завезли с Чукотки домашних оленей.

Народам Севера предстоит большая работа: по-новому повести традиционную отрасль своего хозяйства, с использованием новейших достижений науки и техники. На просторах Севера эта работа уже началась. Возглавляют ее ученые-оленеводы — дети и внуки неграмотных пастухов. Ученый-оленевод — новый человек тайги и тундры. Но это теперь уже один из самых уважаемых людей Севера. На Тюменском Севере есть такой человек — Ай-Теранти, Терентий Харамзин... Он не просто пишет диссертацию, он творит жизнь Севера своим трудом и творчеством.

Творчество... Без него нельзя представить жизнь оленевода. Оно во всем: в труде, отдыхе, в радости и печали, оно в каждом движении человека. Мне вспоминается песня моей тети. Она родилась у меня на глазах, я про себя напеваю ее и удивляюсь ее красоте и мудрости.

Вот она, послушайте:

Я прошу вас, юных женщин,
Молодых прошу мужчин:
Этот край хребтов и трещин,
Осетровогорбых спин,
Где заря мне взор слепила,
Так любить, как я любила.
А еще, как эти горы,
Я прошу любить узоры,
Те рогатые разводы,
Те крылатые мечты...
Нет красивей этой моды,
Этой древней красоты!

Эта песня воскрешает поразительную красоту прикладного искусства ханты и манси.

На Севере извечно шьют верхнюю одежду из оленьих шкур. Мастерицы искусно выделывают из шкур замшу-ровдугу. Подкрашенная ольховой корой, замша приобретает благородный красновато-коричневый тон.

Самый дорогой материал для северных мастериц — оленьи камусы — шкурки с ног оленя. Аккуратно вырезанные полоски золотистого, серебристо-серого или белого цветов и на самом деле очень красивы. И очень прочны: из них шьют зимнюю обувь, рукавицы, сумки, отличающиеся необыкновенным богатством отделки. Орнамент — не просто узор. В орнаменте — окружающий мир, жизнь во всем ее движении и причудливом ритме. Рябь студеной воды, хлопающие крыльями утки, скачущие собаки, плывущий

через реку лось, летящие олени, круглые, омытые водой и временем камни... Вот охотник выслеживает зверя. Вот рыбак держит осетра с зубчатой спиной. Вот оленевод ловит арканом оленя...

Орнамент — та же самая книга, читай его — услышишь предания, похожие на эхо, на отзвук былого, преодолевший века...

Сшитая из оленьих шкур зимняя одежда северянина с причудливым орнаментом часто является подлинным произведением искусства. Природный вкус, чувство прекрасного женщины-северянки выражают в искусном подборе мехов. Одежда, сшитая ими, поражает точностью, изяществом и подлинно ювелирным мастерством. Блестящий и упругий белый олений подшейный волос применяется мастерицами для того, чтобы усилить основную гамму цветов на изделиях из ровдуги. Олений волос идет на довольно прочный окаймляющий шов, на еще более плотный настил из белых геометрических фигур.

Такая отделка выглядит очень красиво на подкрашенном фоне ровдуги, орнаментальные вставки кажутся вычерченными — настолько тонка работа мастериц-северянок. Меховые вещи бывают украшены костью, металлом, ровдушными кистями и канталами, вставками из красного, синего и желтого сукна. Особенно декоративно в сочетании с мехом шитье бисером.

В начале весны в разных районах Крайнего Севера отмечаются национальные праздники, связанные с окончанием зимнего охотничьего сезона, с перегонкой оленей на летние пастбища. На праздник люди приезжают целыми семьями, в нарядной одежде. В красный, синий, зеленый и желтый цвета расписаны легкие, скользящие нарты. Упряжь расшита бисером, декорирована костяными гравированными пластинами, красными и синими шерстяными кисточками, металлическими бляхами, меховыми помпонами. В центре этого праздника всегда оленьи бега — гонки на оленьих упряжках...

Над тайгою солнце. Снег искрится серебром. Вот поднят красный флажок. Старт!.. Снежный дымок вьется за оленьими упряжками, которые ринулись вперед, стараясь обогнать друг друга. Считанные минуты — и финиш. И малицу победителя украшает чемпионская лента.

Интереснее всего бывает смотреть на состязание женщин. Кажется, что их олени не чувствуют веса нарт и мчатся быстрее, чем в мужских гонках. Нередко так и случается. Правда, чемпионская лента на расшитой орнаментом шубке женщины выглядит уже не такой яркой: красиво шьют себе мастерицы...

Гордостью оленевода считается крепкий и длинный аркан, называемый на Тюменском Севере тынзяном. Умение точно кидать его в цель — главное достоинство и мастерство оленевода. В стаде тысячи оленей. А поймать надо самого лучшего, обученного, годного для большой дороги. Олень — не ручное животное. Редко на нем ездят. Вот и надо уметь ловить его быстро в тысячном стаде. И кто быстрее и точнее умеет кидать тынзян — тот быстрее собирается в дорогу...

И бросание топора, и прыжки через нарты, и бег на охотничьих лыжах, и оленьи гонки — все виды национального спорта на этом празднике смотрелись бы тускло, если бы не оригинальная северная одежда.

Красочности этого зрелища в значительной степени способствуют расшитые бисером парадные костюмы, унты, пояса с накладными гравированными серебряными пластинами и бляхами, сверкающими на ярком весеннем солнце.

Представьте себе, что в гонках участвовали бы люди в обыкновенной одежде, в магазинных пальто, стеганках и валенках... Потеряли бы оленьи бега всю свою прелесть!

К сожалению, красочной народной одежды даже у оленеводов становится все меньше и меньше. Не приведет ли это к исчезновению бесценной красоты?! Не оттого ли печаль в песне моей тети Акулины:

Край мой осетровоспинный,
Мой Урал, небесный стул,
Я умру, кто вид пустынный
Оживит, чтоб не уснул?
Как звезда, сорвусь, растаю.
Что останется? Простор!
Нет ему конца и края.

Женщин новых поколений
Я прошу тропой моей
Проводить своих оленей,
Звезды в синих небесах,
Блеск в глазах,
Огни селений и узоры на кисах.
Без узора блекнут вещи.
Без оленей пропадет
Красота таежных женщин,
Сникнет северный народ.
Кай-я-йик! Кай-я-йик!
Пусть несутся напрямик
По земле своей олени.
Пусть летят мои слова,
Обгоняя тучек тени,
В даль, нам видную едва!..
Жив народ мой — я жива!

Опять думаю об Ай-Теранти. Не дает покоя мне этот человек. Кто он такой, почему его судьба меня тревожит? Нет-нет да и опять поинтересуюсь им. И узнаю: он совсем другой. К вчерашнему прибавил что-то совершенно новое, едва уловимое, но новое. Но, идя к новому, он слышит, чует голос тайги и тундры.

Где сегодня Ай-Теранти? Мчится ли он под Полярной звездой на оленьей упряжке, сидит ли у ласкового огня в чуме, беседуя с оленеводами, или за рабочим столом своего кабинета пишет последние строчки диссертации, — знаю: он живет полнокровной жизнью советского человека. Он всегда в поиске. Разумеется, у него есть свои сложности и трудности, поражения и победы. Но на то и дорога жизни, чтобы преодолевать препятствия, складывать песню жизни. Его судьба — судьба народа.

Нет, оленья сказка не оборвалась. Звезды пляшут на рогах оленей и на Кольском полуострове, и в ненецкой тундре, и в ханты-мансийской тайге, и на сказочных просторах Эвенкии, Таймыра, Чукотки... Под Полярной звездой, как и прежде, мчатся олени.

Я рад, что одну из упряжек ведет уверенно друг моего детства — Ай-Теранти, новый каюр, ученый-оленевод, сумеющий сохранить древние традиции предков.